

М.К. СЕЙТКАЛИЕВ

РАСКОПКИ КУРГАНА № 3 МОГИЛЬНИКА КЫРЫК-ОБА II

Среди многочисленных памятников Южного Приуралья V-IV вв. до н.э. особое место принадлежит погребениям знати, материал которых отражает сложную этнокультурную ситуацию, сложившуюся в регионе¹. На сегодняшний день исследовано несколько десятков погребений элиты кочевников, это такие памятники, как Филипповка 1, Покровка, Пятимары, Лебедевка, Кырык-Оба II, материалы раскопок, которые получили мировую известность. Решение ряда фундаментальных проблем сарматской археологии напрямую связано с исследованием элитарных памятников, учитывая это, можно понять тот большой интерес, который вызывает каждый вновь исследованный курган. Учитывая это, мы решили в настоящей работе дать предварительную научную публикацию материалов исследования кургана № 3 могильника Кырык-Оба II.

Курган раскапывался в течение нескольких полевых сезонов Кырыкобинским отрядом Института археологии им. А.Х.Маргулана. Продолжительность раскопок была обусловлена целью исследования – полного изучения памятника с фиксацией всех его деталей.

Объект входил в восточную группу курганов могильника, насчитывающую 29 насыпей, расположенных неровной цепочкой по линии В-З. Диаметр курганов различный - от 8 до 120 м, высота - от 0,15 м до 7 м. Общая протяженность могильника составляет более 5 км. Могильник можно условно разбить на две части. Восточная часть состоит из 8 курганов, расположенных компактной группой, близко друг к другу. Западная часть насчитывает 21 курганный насыпь, расстояние между которыми колеблется от 10 до 180 м.

Раскопки объекта начаты в полевом сезоне 2006 г., в ходе исследования была снесена часть насыпи на глубину 1,6 м от вершины кургана, после чего раскоп был законсервирован. Летом 2009 г. раскопки кургана были продолжены под непосредственным руководством Ж.Е. Смаилова. Предпринятое им исследование кургана свелось к закладке двух траншей в юго-западном секторе. Траншеи были заложены по линии С-Ю, З-В и прорезали всю насыпь кургана до материкового слоя (рис. 1,1). В 2010–2011 гг. под руководством автора памятник был исследован полностью.

Насыпь кургана слабо задернована, земляная, сложена из суглинка коричневого цвета. Диаметр насыпи - 55 м, высота - 3,8 м. Курган исследовался вручную, под снос. После снятия насыпи, на уровне погребенной почвы было расчищено сложное погребальное сооружение. Основу погребального сооружения составляла большая могильная яма. По форме в плане могильная яма приближалась к широкому прямоугольнику размерами 4,9 x 3,6 м. Длинными стенками она была ориентирована по линии З-В. В центральной части могильной ямы зафиксирован грабительский лаз (рис. 1,1). Погребение, видимо, было перекрыто накатом из бревен, поверх которого был уложен настил из тростника и коры. К сожалению, сам бревенчатый накат не сохранился, но о его существовании свидетельствовали истлевшие остатки древесины и отпечатки бревен на стенах и дне могильной ямы. Дно ямы было расчищено на глубине 0,7 м. На дне могильной ямы были зафиксированы остатки костяка, сложенные кучкой грабителями в центральной части могилы. Судя по найденным костям, в могиле был погребен подросток 14 лет*. Среди разбитых костей найдены одна золотая ворврока, пять бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел, одна каменная плитка для заточки стрел (?), фрагменты железного изделия и осколки керамического сосуда.

К югу от первого погребения находилась вторая могильная яма подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами. Длинными стенками она была ориентирована по линии З-В. Размеры могильной ямы - 4,1 x 1 м. Дно ямы располагалось на глубине 0,8 м. Дно ровное. Стенки практически отвесные. Второе погребение, также как и основное, было перекрыто тростниковым настилом, который не был потревожен грабителями. На дне могильной ямы был расчищен железный топор, каких-либо других предметов сопроводительного инвентаря, как и остатков погребенного, в погребении не обнаружено. Вероятно, данное погребение можно рассматривать как сопроводительное захо-

¹ Гузалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане. // РА, №2, 2010. С. 51.

* Антропологические определения выполнены научным сотрудником Отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, к.и.н. Е.П. Китовым

ронение «стражника». Положение боевого топора в могилу в нашем случае выступало в качестве замены захоронения самого стражника. В пространстве между погребениями найдены правый бок лошади и кучка закопченных камушков (кумалаки).

Оба погребения были совершены в общем деревянном срубе. Сам сруб не сохранился, но отдельные фрагменты истлевшего дерева и отпечатки бревен, сохранившихся на слое глиняного раствора, на который они были уложены, позволили реконструировать деревянное сооружение. Сруб представлял собой раму прямоугольной в плане формы, ориентированную длинными стенками по линии С-Ю. Длина рамы составляла 8,7 м, а ширина - 6,3 м. С внешней стороны рамы у северо-восточного и юго-восточного угла сооружения были выявлены столбовые ямы диаметром 0,3 м и глубиной 0,6 м. Конструкция была перекрыта накатом из бревен, остатки которых фиксировались в виде древесного тлена по всему внутреннему пространству рамы.

За южной стенкой сруба было обнаружено, *in situ*, захоронение двух лошадей, с сохранившимися элементами конского снаряжения. Лошади уложены на брюхо с подогнутыми ногами, головами на север. Возле черепов лошадей зафиксированы ямки от коновязи, диаметром 6 см.

На западном лошадином костяке элементы конского оголовья представлены бронзовыми пронизями, распределителями, ременным кольцом, и железными двусоставными удилами с S-образными двудырчатыми псалиями. Полнотью сохранился сбруйный набор, состоящий из овальных в плане формы плоских пронизей, идущих в два ряда, насаженных на кожаный ремешок. По бокам лошади лежали 3 бронзовых подпружных кольца – два слева и одно справа. Между костями передних ног лежала бронзовая зооморфная бляшка в виде двух голов сайгака, зеркально расположенных рогами друг к другу. На втором лошадином костяке расчищен аналогичный предыдущему уздечный набор.

Захоронение лошадей, как и сруб, перекрывал настил, сложенный из камышовых матов и древесной коры. Диаметр внешней границы настила составлял 30 м. Внешний контур настила доходил почти по центральной части кольцевого вала диаметром 31 м и шириной 2 м (рис. 1.2). Вал был сложен из суглинка желтого цвета. В южной части вала имелась перемычка, служившая, видимо, в древности входом в сакральную площадку, опоясанную валом. В западной части вала, возможно, также существовала перемычка, говорить об этом сложно, так как в ходе раскопок в этой части кургана под руководством Ж.Е. Смаилова была снесена значительная часть погребального сооружения. В силу этого наше заключение о существовании второй перемычки носит гипотетический характер. В северо-восточном секторе на вершине вала найдены два бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрел. За переделами вала в юго-западном и юго-восточном секторе найдены остатки поминальных тризин, представленные позвонками, костями ног и ребрами лошадей.

Курган, как и большинство погребальных сооружений могильника, почти полностью разграблен, но сохранившиеся предметы инвентаря и детали погребального обряда позволяют с достаточной определенностью датировать комплекс и реконструировать погребальный обряд.

К хорошо датируемым вещам из погребения 1 кургана 3 следует отнести бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел. Эти предметы вооружения являются типичными образцами втульчатых стрел, бытовавших у ранних кочевников Южного Приуралья в V-IV вв. до н.э². К категории предметов, вероятно относящихся к воинскому инвентарю, следует отнести каменную плитку для заточки стрел. В одной из первой публикации предварительных результатов раскопок кургана данная плитка была определена как предмет ритуального характера³. Плитка подпрямоугольной формы размером 10,5 x 6,6 см изготовлена из мелкозернистого песчаника светло-коричневого цвета с красно-бурыми прожилками, на обратной стороне предмета имеется рельефный валик прямоугольной формы. Аналогичная плитка с прямоугольным валиком, но овальной формы была найдена в погребении стражника V в. до н.э. кургана 8 могильника Пятимары I⁴. Найдка предмета под колчаном, привела К.Ф. Смирнова к заключению, что плитка предназначалась для заточки стрел⁵. Не оспари-

² Смирнов К.Ф. Вооружение сарматов. М., 1961.

³ Сейткалиев М.К. Археологические исследования на могильнике Кырык-Оба II в 2010 году. // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20-22 апреля 2011 г. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2011. С. 198-199.

⁴ Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Сарматы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д1-9. М., 1963. Табл. 20.

⁵ Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 31.

⁶ Сдыков М.Н. Степная пирамида. Уральск, 2008. Рис. 13.

вая данное заключение, отметим, что рельефный валик аналогичной формы имеется на оборотной стороне каменного жертвенника, найденного в кургане 23 могильника Кырык-Оба II⁶, чье ритуальное назначение не вызывает сомнений. Слабо выраженный валик по краю яйцевидного углубления также имеется на внешней стороне жертвенника, найденного в кургане у с. Кенес Северного Казахстана⁷. Оба жертвенника датируются VI-V вв. до н.э.

Несомненный интерес представляет находка в погребении 1 фрагментов импортного сосуда, вероятней всего, иранского происхождения. Следует отметить, что это уже не первая находка предмета древневосточного происхождения в погребениях могильника⁸. Сосудик бомбовидной формы, венчик прямой с утолщением по краю, тесто светло-коричневого цвета. На поверхности сосуда сохранились следы глазури (?). Близкая аналогия рассматриваемому сосудику происходит из ападаны Персеполя, однако персепольский сосуд датируется несколько поздним временем⁹, но данный факт не должен смущать, так как мы лишь обозначили территорию производства рассматриваемого изделия, и, безусловно, что образцы таких сосудиков известны в Иране в ранее время. Ошибочно было бы опираться в определении хронологической позиции погребения на находку данного сосуда, учитывая определенный риск, ибо предметы переднеазиатского импорта весьма высоко ценились в обществе ранних кочевников и могли попасть в могилу после продолжительной службы.

Весьма примечательна находка в погребении 2 железного боевого топора. Топор проушной, однолезвийный, имеет неширокий клинок в виде трапеции и массивный четырехгранный обушок. Аналогии топору из Кырык-Обы II, происходящие с территории Южного Приуралья, нам не известны, ближайшие параллели топору происходят из скифских погребений Северного Причерноморья, где они датируются VI в. до н.э.¹⁰. В комплексах VI-IV вв. до н.э. Южного Приуралья известны лишь три находки железных боевых топоров, это два топора-клевца из Филипповского I могильника¹¹ и секира из Ивановского могильника¹². Таким образом, на сегодняшний день в рассматриваемое время (VI-IV вв. до н.э.) в Южном Приуралье известно всего четыре находки боевых топоров относящиеся к двум различным типам. Здесь вполне уместно вспомнить характер травм на черепах погребенных в других курганах могильника, который заставляет предполагать наличие еще одного вида боевых топоров типа чекана¹³. Учитывая малочисленность серии находок, следует согласиться с исследователями, что боевые топоры почти не применялись,¹⁴ и этот вид оружия был чужд комплексу вооружения ранних кочевников Южного Приуралья¹⁵.

Боевые топоры не получили широкого распространения не только у ранних кочевников Южного Приуралья. Второстепенную роль данная категория играла в вооружении скифов Северного Причерноморья¹⁶, племен-носителей тагарской культуры¹⁷, древнего населения Кавказа¹⁸ и Памира¹⁹.

⁶ Хабдулина М.К. Курган раннего железного века у с. Кенес. // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 200.

⁷ Сейткалиев М.К. Ближневосточный импорт в погребениях ранних кочевников Западного Казахстана (по материалам кургана №2 (05) некрополя Кырык-Оба II). // Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1. Алматы, 2009. С. 62-69., Гуцалов С.Ю. Восточные импорты в погребениях кочевников Западного Казахстана середины I тыс. до н.э. // ВДИ, №2 (269). М., 2009. С. 182-189., Трейстер М.Ю. Переднеазиатские импорты в погребениях ранних кочевников на территории Западного Казахстана. // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстана и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Т. II. Алматы, 2011. С. 174-179.

⁸ Schmidt E.F. Persepolis II. Contents of the Treasury and Other Discoveries. Chicago, 1957. P. 72.

¹⁰ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ. В. Д 1-4. М., 1964. С. 66.

¹¹ Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского -1 могильника). // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 20.

¹² Богданов С.В., Пшеничнюк А.Х., Сиротин С.В. Ивановский курганный могильник в урочище Баюли-Тау. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана, № 1-2, Уральск, 2006. С. 33-53.

¹³ Сейткалиев М.К. Раннепрохоровские впускные погребения в курганах некрополя Кырык-Оба II. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1. Алматы, 2010. С. 46-56.

¹⁴ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 51.

¹⁵ Смирнов К.Ф. Вооружение... С. 74.

¹⁶ Мелюкова А.И. Вооружение... С. 66.

¹⁷ Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. С. 44.

¹⁸ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 205.

¹⁹ Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. С. 120.

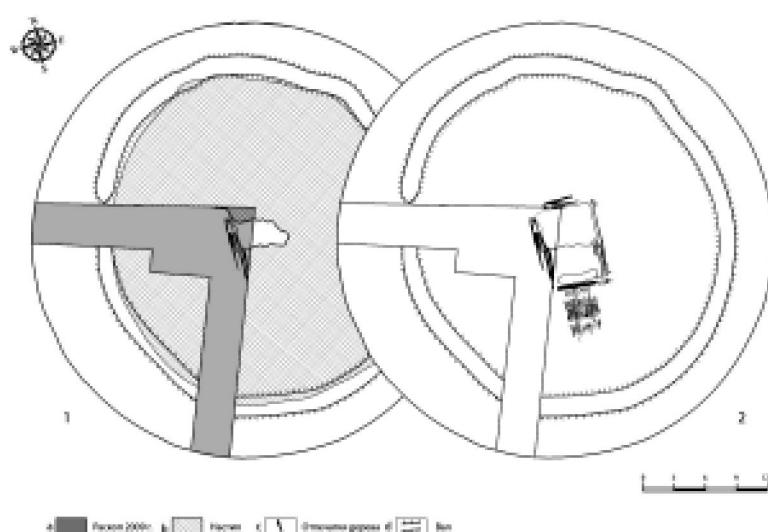

Рис. 1. План кургана № 3. 1 – план погребальной площадки; 2 – план погребальной площадки после снятия древесной трухи от бревенчатого наката и настила из тростника и коры

Наличие аналогии кырыкобинскому топору в скифских погребениях, возможно, говорит о проникновении в Южном Приуралье скифского этнического компонента, присутствии которого в регионе предполагалось рядом исследователей²⁰.

Другие находки из кургана: железные псалии, предметы конской узды и сбруи представляют собой типичный набор ранних кочевников Южного Приуралья VI-V вв. до н.э. Железные псалии S-образной формы, найденные в захоронениях лошадей, появляются в конце VI в. до н.э., но широкое распространение получают в V в. до н.э.²¹

На основании приведенных аналогий курган № 3 следует отнести к V в. до н.э. Этой дате не противоречит и погребальное сооружение в кургане.

Кырыкобинский курган по своей сложной погребальной архитектуре обнаруживает относительную близость к ряду памятников Южного Приуралья, что проявляется в ряде общих черт, таких как большой размер погребального сооружения, кольцевого вала, наличия тростникового настила. Деревянная конструкция кургана во многих деталях совпадает с сооружениями курганов 4 и 6 могильника Пятимары I²². Практически полное тождество погребального обряда с кырыкобинским, наблюдается в кургане 8 могильника Пятимары I. Прежде всего, следует отметить аналогичную конструкцию деревянного сооружения, настила, наличие захоронения взнузденных коней за южной стенкой сруба. Различия в устройстве подкурганного пространства, безусловно, есть, но они не столь существенны. Так, например, в пятимарском кургане захоронены пять коней, в нашем же – случае всего два, в кырыкобинском кургане вал насыпан из материковой глины, тогда как в Пятимарах он сооружен из камня²³. Но все эти различия обусловлены объективными причинами, более высоким социальным статусом, наличием материала и т.д. Сходство проявляется и в погребальном инвентаре погребений. Выше мы уже отмечали находку, аналогичную кырыкобинской плитке для заточки стрел. Наборы конской сбруи и узды также аналогичны кырыкобинским. Почти полное тождество погребального обряда говорит о принадлежности погребенных в Кырык-Обе II и Пятимарах I людей к одной родовой группе.

²⁰ Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры. // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988., Гуцалов С.Ю. О роли скифов в формировании прохоровской культуры. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». В. 2. Самара, 2000. Богданов С.В., Пшеничнюк А.Х., Сиротин С.В. Ивановский курганный... С. 33-53.

²¹ Смирнов К.Ф. Вооружение... С. 84.

²² Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М., 1964. Рис. 29, 31.

²³ Там же... Рис. 25-28., Смирнов К.Ф. Сарматы... С. 29-35.

В задачу нашей статьи не входит приведение аналогии всем предметам и деталям погребального обряда кургана № 3. Мы привели только те из них, которые помогают установить близость рассматриваемого памятника с синхронными ему погребениями ранних кочевников Южного Приуралья и определить его место в относительной хронологии.

Таким образом, исследованный курган содержал захоронение, в целом соответствующее канонам, характерным для погребального обряда элитарной части общества ранних кочевников Южного Приуралья. О высоком социальном статусе погребенного в кургане № 3 говорят размеры курганной насыпи, отличное от других курганов могильника устройство погребального сооружения, захоронение взнузданных коней, наличие золотых и импортных предметов. Бесспорные параллели, которые существуют между материалами погребений могильников Кырык-Оба II и Пятимары I позволяют отнести раскопанный курган к числу опорных памятников V в. до н.э. культуры ранних кочевников Южного Приуралья.